

УДК 821.161.1-1+929 Тарковский

МЕТАМОРФОЗЫ БИБЛЕЙСКОГО КОДА В СТИХОТВОРЕНИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО «К СТИХАМ»

© 2009 С.В.Кекова

Саратовский государственный социально-экономический университет

Статья поступила в редакцию 12.02.2009

Статья посвящена стихотворению Арсения Тарковского «К стихам», в котором раскрывается религиозное восприятие сущности поэтического творчества. Показано, что особенность восприятия и отражения действительности в поэзии Тарковского характеризуется методом типологической экзегезы, который был свойствен древнерусской словесности.

Ключевые слова: метаморфозы, библейский код, религиозная сущность творчества, типологическая экзегеза, слово-свиток, творческая энергия поэтического слова.

Среди множества русских загадок есть одна, бытующая во множестве вариантов в разных местах России (в Псковской, Калужской, Пензенской, Рязанской, Тульской, Самарской губерниях). Приведём один из вариантов этой загадки: «Взят от земли, яко Адам, и возложен на кружало; родился, вертелся; ввержен был в печь огненную, яко три отрока; взят от печи огненной и возложен на колесницу, яко Илия; везен был на лобное место, биен по главе, яко Иисус, и кричал громким голосом, а на голос пришла некая жена, яко Мария Магдалина, и купивши его за медницу, принесла домой, но расплакался по своей матери – умер, и до ныне кости его негодящие лежат не погребены»¹. Предмет загадки – обычный глиняный горшок. Интересно, что в сборнике «Загадки русского народа», составленном Д.Н.Садовниковым, наибольшее количество вариантов загадок относятся именно к этому предмету русского народного быта. В загадке описывается история глиняного горшка: перед нами разворачивается рассказ о том, как копают глину, утаптывают её ногами, вертят на гончарном круге, обжигают в печи, вывозят на базар, продают, причём опытные покупатели ударяли по горшку, слушая его «глас» – нет ли трещины?, как горшок служит людям, а когда он разбивается, то его или заново «пеленают», или бросают в яму; в иронично-шутливом тоне говорится об отпевании и погребении, которых горшок не удостоился. Характерно, что в приведённом варианте весь метафорический и аллегорический ряд выстроен в библейской перспективе. Здесь и Адам, и Илия, и три отрока «в печи огненной», и Сам Господь

Иисус Христос, и Мария Магдалина. В других вариантах присутствуют прекрасный Иосиф, Енох, праведный Лазарь из евангельской притчи о богаче.

Такое метафорическое богатство имеет своей причиной аналогию «скудельного сосуда» (т.е. сосуда глиняного, горшка) и сотворённого Богом человека, Адама, который в Библии так и именуется «сосуд скудельный». Д.Н.Садовников писал по этому поводу: «Адамом называется всё, что имеет прямое отношение к матери-сырой земле»². Дальнейшее развитие сюжета загадки исходит из этой первичной интуиции и строится как соотношение отдельных этапов сотворения «скудельного сосуда» с разными библейскими и евангельскими событиями. Так, горшок в печи на обжиге сравнивается с тремя библейскими отроками – Ананией, Азарией и Мисаилом, которые по приказу царя Навуходоносора были связанными брошены в огненную печь. Горшок возложен на колесницу, как Илия-пророк, который был живым взят на небо на колеснице. Сравнение с прекрасным Иосифом основано на библейской истории о том, как Иосиф, сын Иакова и Рахили, был продан братьями в Египет. По поводу многочисленных вариантов этой загадки Садовников писал: «Загадки имеют форму притчи. Предметы для уподобления все взяты из Священного Писания. Язык их представляет смесь книжного церковного с живой великорусской речью»³. Можно сказать, что метод создания этой загадки представляет собой аналог метода типологической экзегезы⁴, которая «действует» в пространстве бытовой жизни русского человека. Подобный же метод и близкую к за-

Кекова Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории культуры и искусства. E-mail: kekova@yandex.ru

¹ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – М.: Терра, 1996. – С. 64.

² Там же. – С. 274.

³ Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – М.: Терра, 1996. – С. 275.

⁴ Левшин Л. История восточно-славянского книжного слова. – Минск: Экономпресс, 2001.

гадке систему уподоблений использует Арсений Тарковский в стихотворении «К стихам».

Стихи мои, птенцы, наследники,
Душеприказчики, истцы.
Молчальники и собеседники,
Смирненники и гордецы!

Я сам без роду и без племени
И чудом вырос из-под рук,
Едва меня лопата времени
Швырнула на гончарный круг.

Мне вытянули горло длинное,
И выкрутили душу мне,
И обозначили былинные
Цветы и листья на спине,

И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый,
И как пророк заговорил.

Скупой, охряной, неприкаянной
Я долго был землей, а вы
Упали мне на грудь нечаянно
Из клювов птиц, из глаз травы⁵.

В отличие от загадки, где сосуд уподоблен человеку, мы имеем в стихотворении прямой библейский отсыл: человек — это «сосуд скудельный». В обыденном сознании, ориентированном на христианскую традицию, это выражение воспринимается как метафора, но в стихотворении Тарковского происходит «реализация» метафоры. «Я сам без роду и без племени, / И чудом вырос из-под рук, / Едва меня лопата времени / Швырнула на гончарный круг. / Мне вытянули горло длинное, / И выкрутили душу мне, / И обозначили былинные / Цветы и листья на спине». Характерно, что если в вышеприведённой загадке аналогия Адам — «сосуд скудельный» стоит на первом месте, то в стихотворении она как бы мерцает в «коллоидном растворе» текста. Даже имя «Адам» здесь отсутствует, хотя в других стихах поэта мы неоднократно встречаемся с этим именем. Но оно «явлено» в следующих строках стихотворения: «Скупой, охряной, неприкаянной / Я долго был землей...». В Книге Бытия, как мы помним, рассказ о сотворении человека во второй главе выглядит так: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни; и стал человек душею живою» (Быт.2, 7). В комментариях к Книге Бытия экзегеты отмечают, что в «создании человека из земной персти заключена идея о сродстве человека со всей видимой природой, ближайшим образом с животным царством, возникшим по творческому мановению из той же

самой земли»⁶. Соотнесение Адама и лирического героя стихотворения мы находим и в первых двух строчках второй строфы: «Я сам без роду и без племени, / Но чудом вырос из-под рук, / Едва меня лопата времени / Швырнула на гончарный круг».

В четвёртой строфе стихотворения «К стихам», как и в вышеприведённой загадке, содержится аналогия печи для обжига с библейской «пещью огненной»: «И я раздвинул жар березовый, / Как заповедал Даниил, / Благословил закал свой розовый, / И как пророк заговорил». Как мы видим, в отличие от загадки, Тарковский упоминает не трёх отроков, а пророка Даниила. Но история чудесного спасения Азарии, Анании и Мисаила, которые были переименованы в Вавилоне в Авденаго, Седраха и Мисаха, как раз и рассказана в книге пророка Даниила. Эти отроки не поклонились золотому истукану, которого сделал царь Вавилона Навуходоносор: «Тогда Навуходоносор исполнился ярости, и вид лица его изменился на Седраха, Мисаха и Авденаго, и он повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали её, и самым сильным мужам из войска своего приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскалённую огнём. Тогда мужи сии связаны были в исподнем и верхнем платье своём, и брошены в печь, раскалённую огнём. И как повеление царя было строго, и печь раскалена была чрезвычайно, то пламя огня убило тех людей, которые бросали Седраха, Мисаха и Авденаго. А сии три мужа, Седрах, Мисах и Авденах, упали в раскалённую огнём печь связанные. И ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа». (Дан.3,19 – 25) И далее: «Навуходоносор царь, услышав, что они поют, изумился и поспешно встал, и сказал вельможам своим: не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? Они в ответ сказали царю: истинно так, царь! На это он сказал: вот, я вижу четырёх мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвёртого подобен Сыну Божию. Тогда подошёл Навуходоносор к устью печи, раскалённой огнём, и сказал: Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите! Тогда Седрах, Мисах и Авденаго вышли из среды огня». (Дан. 3, 91 – 94)

В Книге пророка Даниила рассказывается ещё об одном чудесном событии: о спасении самого Даниила во рве львином, куда он был брошен за то, что молился, преклонял колена и просил милости у Бога всевышнего, а не у царя, издавшего указ о том, что всякий, кто будет просить милости у какого-либо бога или человека кроме царя, будет брошен в львиный ров. Но, согласно библейскому повествованию, Бог по-

⁵ Тарковский А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: 1993. – Т. 1. – С.64; далее в скобках указывается номер тома и страница.

⁶ Толковая Библия в 3 тт. – Т.1. – Стокгольм: 1988. – С.17.

слал ангела Своего, который заградил пасть львам, и они не повредили Даниилу (Дан. 6, 1 – 24). Тарковский как бы соединяет два этих чудесных события, «усваивая» их, с одной стороны, самому имени Даниил, с другой, лирическому герою стихотворения, который «Благословил закал свой розовый / И как пророк заговорил». Хотелось бы обратить особое внимание на слово «благословил». В Книге пророка Даниила один из отроков, брошенных в печь, – Азария – возносит из среды огня молитву благословения, а потом, когда Ангел сходит в печь и делает так, чтобы «в середине печи был как бы влажный шумящий ветер» (Дан. 3, 50), все три отрока «как бы одними устами» благословляют и прославляют Бога. Вот текст этой молитвы:

51. Тогда сии трое, как бы одними устами, воспели в печи, и благословили и прославили Бога: 52. «Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, и хвальный и превозносимый вовеки, и благословенно имя славы Твоей, святое и прехвальное и превозносимое во веки. 53. Благословен Ты в храме святой славы Твоей, и прехвальный и преславный во веки. 54. Благословен Ты, видящий бездны, восседающий на Херувимах, и прехвальный и превозносимый во веки. <...> 87. Благословите, праведные и смиренные сердца, Господа, пойте и превозносите Его во веки. 88. Благословите, Анания, Азария и Мисаил, Господа, пойте и превозносите Его во веки; ибо Он извлек нас из ада и спас нас от руки смерти, и избавил нас из среды печи горящего пламени, и из среды огня избавил нас. 89. Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его. 90. Благословите, все чтущие Господа, Бога богов, пойте и славьте, ибо вовек милость Его». (Дан. 3, 51 – 90)

Таким образом, слово «благословил» представляет собой особый феномен: это своего рода «слово-свиток» которое, «разворачиваясь», являет нам конкретный библейский текст (в данном случае это молитва Азарии и трёх отроков). Наличие в разных текстах подобных «слов-свитков» – особого рода поэтических тропов – специфика поэтики Арсения Тарковского. Такие слова, как «камень», «хлеб», «царь», «нищий» / «нищета» и другие имеют в поэзии Тарковского антиномическую природу, сочетая внешне несочетаемые действия. Они призваны одновременно «скрывать» и «открывать» священный, библейский, духовный смысл стихотворения.

Само имя Даниил и соотнесённое с ним слово «пророк» тоже отмечены феноменом «двойного существования»: с одной стороны, они являются принадлежностью данного стихотворения, с другой, эти слова существуют в поле библейской образности, которая в свёрнутом виде присутствует в тексте Тарковского. Этот факт может быть и не замечен читателем, поскольку в стихотворении действует и другое «силовое поле» слов: традиционное для русской культуры, идущее от «Пророка» Пушкина, соотнесение поэта и пророка создаёт смысловой пласт, нахо-

дящийся на поверхности и в каком-то смысле скрывающийся, маскирующий более глубинную связь.

В параллели поэт – пророк Даниил, реализованной в стихотворении «К стихам», присутствует и определённая историческая коллизия, которую можно было бы обозначить как коллизии поэта и власти. Как мы помним, три отрока не поклонились золотому истукану, а пророк Даниил возносил молитву и просил о милости истинного Бога, а не царя. Экзистенциальная позиция поэта Арсения Тарковского может быть в своей сущности уподоблена этим актам. Но и в целом жизнь поэта и человека вообще может быть иносказательно уподоблена процессу формирования тела и души и их «обжигу». Символы и образы творения в стихотворении Тарковского даны как единство онтологического и экзистенциального. Это единство явлено не только в «линейном» развитии сюжета, но и в своеобразной «кристаллографии» смыслового пространства текста. Можно сказать, что за «цепочкой» строф скрывается целый смысловой пучок, линии которого пересекаются, переплетаются. Последняя строфа стихотворения в смысловом отношении является его первой строфой, своего рода «магистралом». Первые две строки этой строфы служат основой, смысловым каркасом для воплощения «линии творения» («Скупой, охряной, неприкаянной, / Я долго был землёй...»), но в них онтологическое и экзистенциальное соединены в одной точке – в местоимении «я». Две последних строки, соотнесённые с первой строфой стихотворения, открывают нам тайну творчества: первоначальное бытие поэзии – это существование «в земле», из которой ещё не создан Адам, неких «логосов творения». Эти «логосы творения» выявляются и оформляются в творческой энергии поэтического слова, о которой речь идёт в первой строфе стихотворения («Стихи мои, птенцы, наследники, / Душеприказчики, истцы, / Молчальники и собеседники, / Смирненники и гордецы»). Эта строфа в «кристаллической» структуре стихотворения вырастает из двух его последних строк: «...а вы / Упали мне на грудь нечаянно / Из клювов птиц, из глаз травы».

Осмысление этого логического парадокса (для адекватного понимания стихотворения требуется «чтение наоборот») приводит нас к проблеме особенностей существования духовного мира, о которой говорит о.Павел Флоренский в своём труде «Иконостас». Анализируя природу и сущность сновидения, Флоренский пишет: «...в сновидении время бежит, и ускоренно бежит, навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания. Оно вывернуто через себя, и значит, вместе с ним вывернуты и все его конкретные образы. А это значит, что мы

перешли в область мнимого пространства»⁷. Сновидения отделяют и в то же время соединяют мир видимый и мир невидимый, то же самое можно сказать, по мысли о. Павла, о художественном творчестве⁸. Духовное же пространство, – это «обратный» мир, это «онтологически зеркальное отражение мира зримого»⁹. Флоренский, однако, различает два способа творчества, два рода образов, связанных либо процессом восхождения в горний мир, либо с процессом «нисхождения долу»¹⁰. Флоренский пишет: «Образы первого – это отброшенные одежды дневной суеты, накипь души, которой нет места в ином мире...; тогда как образы нисхождения – это выкристаллизовавшийся на границе миров опыт мистической жизни»¹¹.

Поэтический мир в целом и многие отдельные стихотворения Тарковского строятся именно по принципу «нисхождения». Следовательно, для постижения этой «онтологической обратности» требуются и особые методы.

Характерно, что Флоренский противопоставляет механическую устроенность искусства восхождения кристаллической «структуре» искусства нисхождения. Именно эту «кристаллическую логику» мы и пытаемся выявить при анализе стихотворения «К стихам». Мы уже показали, что первая строфа стихотворения является своеобразным следствием, продолжением и смысловым развитием последней строфы. Но и вторая строфа тоже продолжает последнюю: «Я сам без роду и без племени, / И чудом вырос из-под рук, / Едва меня лопата времени / Швырнула на гончарный круг». «Двойная оптика» первых двух строк даёт нам возможность опять увидеть нераздельное и неслиянное единство онтологического и экзистенциального: с одной стороны, Тарковский говорит о себе – поэте, но, с другой, без роду и без племени был Адам, ибо он создан Богом не просто как природное существо, но в глиняный сосуд его тела Господь вдохнул живую душу (ср. в третьей строфе: Мне выгнули горло длинное / И выкруглили *душу* мне). Здесь есть ещё один важный смысловой аспект: сопричастность Адаму является актуальным условием бытия поэта. Ведь перед нами – своего рода парадокс: ощущения сотворения себя как поэта представлено в образах, отсылающих к библейскому повествованию о сотворении первого человека, т.е. поэт творит не сам себя, его создаёт Тот, Кто выше поэта. Но создаёт поэта ещё и время – отсюда образы «лопаты времени», гон-

чарного круга, «розового закала». Эти образы тоже существуют в двойной перспективе, причем их можно интерпретировать в парадигме «продолжающегося творения».

Если задуматься о сущности выявленной нами «кристаллической логики» стихотворения «К стихам», то следует отметить, что Тарковский как бы соединяет два принципа поэтики: «пространственный» и «временной». Эти термины принадлежат самому поэту. Поскольку Тарковский был замечательным переводчиком восточной поэзии, он глубоко проник в проблему отличия поэтики Востока от поэтики Запада, которая связана с разными типами мироощущения и мировоззрения, лежащими в основе этих поэтик. Размышляя об особенностях поэзии Махтумкули, Тарковский теоретически обосновывает свой подход к «восточным переводам». В своих заметках переводчика Тарковский пишет: «Различие поэтики Востока и Запада определяется разностью систем сознания, предуказанной комплексами бытия Европы и – в нашем случае – Средней Азии XVIII века. Здесь не место распространяться об этих предпосылках. Достаточно сказать, что сознание Востока произвело поэтику, резко отличающуюся от привычной нам, русским, поэтики европейской»¹². От этого общего положения Тарковский переходит к конкретному анализу способов разворачивания темы и сюжета в русском лирическом стихотворении и в стихах восточных поэтов.

В европейской (и русской) поэзии, по мысли Тарковского, развитие лирического стихотворения происходит «...соответственно временной последовательности событий, базирующихся на теме этого стихотворения»¹³. В восточной же лирике временное развитие темы отсутствует за счёт того, что, как пишет Тарковский, «художник занимает некую центральную точку зрения на тему, которая как бы движется вокруг этой точки зрения. Идея художника направляется к орбите темы, заставая её в определённом положении, – и возвращается к исходной точке зрения ... Далее следует бросок нового «луча» идеи, опять возвращающегося к исходной точке, и т.д.»¹⁴. Внешняя форма «восточного» стихотворения соответствует, по мысли Тарковского, принципу «пространственной» поэтики: «редифная» система как раз и символизирует постоянное возвращение к исходной точке зрения. Достоинство этого принципа построения текста в том, что предмет стихотворения может быть охарактеризован с разных сторон, но у него есть и недостатки: тема стихотворения подаётся статически, как будто бы вне времени.

«Редифная система» в этом стихотворении отсутствует, но можно сказать, что «исходной точкой», центром темы, развивающейся в стихотворении, служит пространство Библии, вокруг которого и сосредоточено всё внутреннее дейст-

⁷ Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Избранные труды по искусству. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – С.82.

⁸ Там же. – С. 84.

⁹ Там же. – С. 83.

¹⁰ Там же. – С. 85.

¹¹ Там же.

вие стихотворения, его метафизический сюжет. «Временная» ось стихотворения связана со священным временем: личное, субъективное время вплетается в библейские временные параметры и начинает переживаться в священных категориях.

¹² Тарковский А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: 1993. – Т. 3. – С. 417.

¹³ Там же. – С. 418.

¹⁴ Там же.

METAMORPHOSES OF THE BIBLICAL CODE IN ARSENIY TARKOVSKIY'S POEM «TO THE POEMS»

© 2009 S.V.Kekova^o

Saratov state social and economic university

The article deals with Arseniy Tarkovskiy's poem 'To the poems' in which the religious perception of poetry is revealed. It is proved that the perception and reflection of reality in Tarkovskiy's poetry is characterized by the method of typological exegesis, which was typical of Old Russian literature.

Key words: metamorphoses, Biblical Code, typological exegesis, religious perception of poetry, implication, creative of word.

^o *Kekova Svetlana Vasilevna, PhD Philological Studies, the senior lecturer of chair of history of culture and art.*